

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

УДК 332.1+711.4

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Положихина Мария Анатольевна

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам РАН
(Москва, Россия); polozhihina2@mail.ru

Аннотация. В истории человеческой цивилизации города играли и продолжают играть роль центров инноваций и драйверов социально-экономического прогресса. При этом траектория развития самих городов может быть очень разной – от расцвета до полного забвения. Реализация потенциала городов и возможности ведения в них инновационной деятельности во многом определяются состоянием городской среды, прежде всего интеллектуальной. В свою очередь, на нее сильно влияют побочные эффекты от усилий, которые предпринимаются для решения задач, непосредственно не связанных с ее развитием. В работе рассматривается воздействие на интеллектуальную среду городов таких современных инициатив, как создание технопарков и университетских кампусов, формирование креативных пространств и внедрение технологий «умного города». По мнению автора, их результативность в плане использования инновационного потенциала городов могла бы быть выше, если бы государственная политика акцентировалась не на отдельных компонентах, а на взаимосвязях и учитывала коммуникационную составляющую городской интеллектуальной среды.

Ключевые слова: городская среда; технопарк; креативное пространство; университетский кампус; технологии умного города.

Для цитирования: Положихина М.А. Интеллектуальная городская среда: направления и перспективы развития // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 15–33.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.01

Рукопись поступила 04.08.2025.

Принята к печати 08.08.2025.

Введение

Прообразы современных городов появились на заре человеческой цивилизации – 10–12 тыс. лет до н.э. – и очень долго оставались «островками другой жизни» среди преобладающих сельских поселений. Резко ускорившаяся в XX в. урбанизация привела к тому, что в настоящее время горожане составляют большую часть социума. Но и в далеком прошлом, и тем более сейчас состояние городов и процессы, протекающие в них, определяют скорость и направление общественного прогресса. Подчеркивая «парадоксальность и противоречивость города, поражение <...> всяческими социальными недугами, неуправляемый рост, своенравное поведение», отечественный географ-урбанист Г.М. Лаппо отмечал, что именно в городах возникают новые идеи и практики, которые обеспечивают обществу прогрессивное развитие [Лаппо, 1997, с. 3, 11, 14, 17].

Стягивая ресурсы и стимулируя социально-экономическое и технологическое развитие [Семячков, 2021, с. 475], города обеспечивают высокую территориальную концентрацию и неоднородность инновационной деятельности: «то, что покупают и используют во всем мире, создается в очень ограниченном числе локаций. <...> В первой десятке [ведущих инновационных] городов живет менее 3% населения планеты, и там же подаются 40% всех патентных заявок в мире¹...; почти 40% от 2,5 тыс. компаний с наибольшими затратами на НИОКР расположены в этих десяти городах; такая же закономерность характерна для 60% всех компаний-«единорогов» и 35% высоко цитируемых ученых. В креативных индустриях неравномерность еще выше: первая десятка городов будет местом расположения более 55% признанных в мире модных брендов, 65% компаний – производителей высокорейтинговых фильмов, 70% художников – лидеров аукционных продаж» [Куценко, 2022]. Побочным эффектом становится обострение разнообразных экологических, градостроительных, управленческих, экономических и социальных противоречий.

Сложные аспекты функционирования городов и их социальная значимость обуславливают высокий общественный и научный интерес к этим вопросам. Еще одним стимулом служат практические потребности по регулированию и управлению жизнью городов в целях обеспечения их устойчивого социально-экономического развития. Тем более, что далеко не все города демонстрируют успешную траекторию и способность нивелировать негативные явления.

Г.М. Лаппо ставил эффективность роли городов как локомотивов развития в зависимость от научно обоснованной муниципальной политики [Лаппо, 2019, с. 3]. Однако сформировать ее

¹ Учитываются патентные заявки, поданные по процедуре РСТ (Patent Cooperation Treaty или международный Договор о патентной кооперации, подписанный в Вашингтоне 19 июня 1970 г. Последние изменения в него были внесены в 2001 г.).

весьма непросто из-за разнообразия городов, сочетания типичных и уникальных черт в каждом из них. С одной стороны, это расширяет спектр управленческих решений при выборе пути развития города, с другой – ограничивает возможности копирования конкретных успешных практик. К тому же осмысление последних обычно запаздывает. В связи с чем разрабатываемые стратегии (программы, проекты и планы) развития городов нередко представляют собой социально-экономические эксперименты, далеко не всегда полностью осознанные, а получившиеся результаты часто оказываются не совсем тем, на что рассчитывали.

Все это создает видимость стихийности развития городов. Хотя реальной причиной служит недостаток знаний о совместном воздействии различных механизмов, факторов и условий на состояние городов и их динамику. Кроме того, регулярно возникают новые обстоятельства, которые следует оценивать и учитывать. Несмотря на огромный накопленный объем информации о городах, необходимо продолжать изучать возможности и направления их развития.

Особенно это важно для России в современных сложнейших геополитических условиях. Решение главных национальных проблем – активизация инновационной деятельности, преодоление межрегиональных дисбалансов и депрессивности отдельных территорий – связано именно с развитием городов. В практической плоскости оно трансформируется в задачу эффективного использования их инновационного потенциала.

В свою очередь, реализация инновационного потенциала городов и возможности ведения в них инновационной деятельности во многом определяются состоянием городской среды, прежде всего, интеллектуальной. Целью настоящей работы является систематизация подходов к ее развитию. Обсуждение конструктивных базовых принципов, отвечающих современным вызовам, а также особенностей их применения в конкретных условиях весьма актуально и имеет научно-практическое значение.

Теоретические основы систематизации

Междисциплинарность городских исследований и бум урбанистики [Тургель, 2014, с. 74] в XX в. сформировали огромный поток научной литературы и разнообразие подходов разных научно-практических дисциплин. Социология и экономика города, градостроительство и архитектура нередко базируются на диаметрально противоположных теоретических основаниях, сопровождаются неточностью и множественностью определений. Путаницу добавляет несовпадение используемой отечественной и зарубежной терминологии, временное «наслоение» концепций и «мода» на отдельные из них. В связи с этим представляется необходимым обозначить общие концептуальные позиции, наиболее продуктивные, с точки зрения автора, для последующих научно-практических конструкций.

Все многообразие подходов можно разделить на оптимистическую парадигму, восходящую к Ш.Л. Монтескьё, и восходящий к Ж.Ж. Руссо пессимистический антиурбанизм [Агаширинова, 2019, с. 178]. В рамках позитивной парадигмы авторитетна позиция Д. Джекобс (1969) о городе как источнике экономического роста, которая подкрепляется эмпирически выявленными положительными корреляциями между темпами экономического роста и долей городского населения, производительностью труда и размером города [Минаева, 2010, с. 5]. Отмечается, «что при удвоении размера города увеличение производительности труда в развитых странах составляет от 3 до 8%». В странах более низкого уровня экономического развития отдача от урбанизации в виде роста продуктивности факторов производства может быть еще больше [Коломак, 2015, с. 60].

В качестве реакции на сопровождающее урбанизацию нарастание социально-экологических проблем (в том числе отчуждение человека в городе, безликость массового стандартного жилья, загрязнение окружающей среды и т.д.) в сообществе архитекторов и градостроителей в 1960–1980-х годах сформировался так называемый «средовой подход». В его рамках город рассматривается как большой и сложно устроенный организм. По аналогии с понятием «природная среда» возникло представление о «городской среде» [Формирование комфортной городской среды, 2022, с. 6–7]. В дальнейшем оно получило широкое распространение в научном дискурсе – при размытости данного термина и различном его понимании представителями разных дисциплин и направлений.

В настоящее время городская среда трактуется как совокупность материальных, социокультурных и экономических условий жизнедеятельности городского населения. Инновационность города, по мнению А.С. Ахиезера¹, предопределена многообразием протекающих в нем культурных контактов, что и делает города способными накапливать творческий потенциал и приобщать к нему личность (цит. по: [Лаппо, 1997, с. 127]).

Сформированная усилиями многих субъектов (жителей города, архитекторов и градостроителей, представителей органов власти и управления и т.д.), городская среда и сама непосредственно на них воздействует. «Многочисленные исследования поведения людей в общественных пространствах городов подтверждают гипотезу Я. Гейла² о прямой зависимости количества видов активности, их интенсивности / длительности от качества физической [городской] среды. В свою очередь, имеет место и последующий возвратный положительный эффект: «спровоцированная» пространственно-архитектурными решениями активность городской жизни <...> оказывает непосредственное влияние на последующее восприятие среды как дружелюбной, гостеприимной, комфортной для пребывания» [Нотман, 2021, с. 106].

¹ Отечественный социальный философ и культуролог, доктор философских наук (1929–2007, Москва). В последние годы жизни был ведущим научным сотрудником Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (с 1991 г. работал в Центре демографии и экологии человека).

² Датский архитектор, урбанист и специалист по городскому дизайну (1936 г. р., Копенгаген).

Закономерно, что функционирование и изменение такого искусственного образования, как город, всегда старались регулировать, пытаясь направлять его рост в желательную (с точки зрения субъекта управления) сторону и нивелировать негативные эффекты. В то же время траектории развития разных городов весьма отличаются: помимо успешных существует много депрессивных, умирающих и просто заброшенных. Стремление обеспечить устойчивую позитивную динамику городов и представления о влиянии городской среды на поведение и самочувствие жителей заставили повысить внимание к вопросам ее развития.

Другим основанием стала зародившаяся в конце XIX в. и получившая всеобщее признание с 1970-х годов теория инноваций (их возникновения и распространения) и инновационного потенциала¹ как «возможности и способности по генерации новых идей, созданию технологий, инновационных продуктов, нововведений» [Семячков, 2021, с. 475]. Инновации в настоящее время считаются основной движущей силой экономического и социального прогресса. Соответственно, формирование, использование и наращивание инновационного потенциала городов рассматривается в качестве приоритетного направления их развития, которое обеспечивается двумя способами. Первый – концентрация ресурсов, включая человеческий капитал. Второй – создание благоприятных условий для жизни и творческой самореализации людей. В качестве источников его формирования названы «модернизация среды функционирования экономических объектов; финансирование инновационных проектов и программ; разработка специальных механизмов реализации инновационных проектов и программ, которые основываются на партнерстве государства, бизнеса и общества» [Соколова, Варакина, 2016, с. 2].

Таким образом, одной из объективных особенностей городской среды можно считать ее ориентированность на интеллектуальную и инновационную деятельность. Данный постулат, распространенный среди урбанистов, мало учитывается представителями других научно-практических направлений. Хотя на состояние городской среды сильно влияют побочные эффекты от усилий, которые предпринимаются для решения задач, непосредственно не связанных с ее развитием. Так, повышение уровня интеллектуальности городской среды (интеллектуализация) в значительной степени определяется мерами по стимулированию инновационной деятельности, совершенствованию системы образования и т.д. Однако непонимание или недоучет существующих взаимосвязей во многом снижает эффективность управленческих решений и их результативность. Об этом свидетельствуют примеры современного воздействия (преимущественно косвенного) на интеллектуальную среду городов, попытка систематизировать которые представлена ниже.

¹ «Впервые понятие инновационного потенциала было использовано К. Фримэном – английским экономистом, одним из известнейших исследователем экономических циклов. В своем труде “Экономическая теория промышленных инноваций” (1974) К. Фримэн определил инновационный потенциал как все возможные ресурсы предприятия, которые можно использовать для инновационных процессов» [Беляева, Серебрякова, Адраховская, 2021, с. 277].

Направления развития интеллектуальной городской среды

Предварительно следует отметить, что разное положение российских городов в административной иерархии значительно сказывается на финансовых возможностях органов управления, имеющих муниципальный, региональный или федеральный статус. Кроме того, существует проблема согласования решений, принимаемых отраслевыми и территориальными органами управления. Тем не менее можно выделить несколько широких и достаточно универсальных инициатив, доступных для городов любого размера и административного подчинения. К ним относятся следующие.

Создание и поддержание технопарков. Специалисты отмечают отсутствие единого определения и классификации технопарков из-за межстрановых различий в терминологии [Ульянычев, 2018, с. 116]. Многообразие названий – инновационный центр, научный / университетско-исследовательский / научно-исследовательский / исследовательский и технологический парк, бизнес-инкубатор, кластер высоких технологий, высокотехнологичная долина и пр., – помимо разных переводов зарубежных терминов обусловлено применяемыми маркетинговыми стратегиями и журналистскими метафорами для привлечения внимания к отдельным проектам.

Одно из авторитетных определений (2002 г.) характеризует цели технопарка как достижение «благополучия местного сообщества посредством продвижения инновационной культуры, а также конкурентоспособности инновационного бизнеса и научных организаций» [Ульянычев, 2018, с. 116]. А.А. Андросова выделяет три модели технопарков:

1. Американская (США, Великобритания) характеризуется опорой на вузы и мощной государственной поддержкой;
2. Японская (Япония, Тайвань, Гонконг, Южная Корея) реализуется в специально построенных для коммерческого внедрения результатов исследований городах-технополисах, финансируемых на региональном уровне;
3. Смешанная (Франция, Бельгия, другие европейские страны) формируется усилиями университетов, банков, частных фирм, ориентированных на решение региональных проблем [Андросова, 2019].

Эталонным технопарком считается Кремниевая долина в США¹. «Ключевым моментом» ее развития стала идея «сдавать землю [принадлежащую Стэнфордскому университету] в долгосрочную аренду для использования в качестве офисного парка», возникшая и реализованная в

¹ Долина Санта-Клара в штате Калифорния, к юго-востоку от Сан-Франциско (участок, протяженностью 1,6 км вдоль побережья одноименного залива). Своей известностью она «обязана производству полупроводников и электронной техники. Долина, бывшая некогда сельскохозяйственным районом (до 1950-х годов славилась сливовыми садами), ныне застроена городами, которые протянулись цепочкой от залива Сан-Франциско до г. Сан-Хосе. Ядром роста оказался Стэнфордский университет в Пало-Альто, где с 1940-х годов велись исследования в области электроники. Первый крупный завод ЭВМ был открыт в 1956 г. фирмой IBM в г. Сан-Хосе» [Леонова, 2011, с. 38]. Название «Кремниевая долина» предложил журналист Д. Хефлер в 1971 г.

1950-х годах. С одной стороны, это «позволяло выпускникам Стэнфорда найти работу в непосредственной близости от альма-матер». С другой стороны, «компании получали высококвалифицированных специалистов» [Леонова, 2011, с. 39]. Главным же стимулом служило стабильное финансирование исследований со стороны государства (прежде всего, военных и космических ведомств), а затем – растущий приток частного венчурного капитала. В результате Кремниевая долина превратилась в крупнейший центр высоких технологий. Сейчас здесь расположено множество компаний, занимающихся исследованиями и разработками в сфере ИКТ: от ведущих мировых корпораций до мелких стартапов. Экосистема Кремниевой долины включает ряд известных университетов и тысячи специалистов, а ее название стало нарицательным (подробнее см.: [Абдулбарова, 2022]).

Повторить успех Кремниевой долины пытались в других странах мира. Удачным примером творческого заимствования зарубежного опыта можно считать формирование высокотехнологичного района «освоения науки и техники» Чжунгуаньцунь в Китае (Пекин) и агломерации Бангалор¹ в Индии (см. подробнее: [Леонова, 2011, с. 41–42]).

В России к реализации идеи технопарка обращалась неоднократно. Первой попыткой можно считать создание в 1965 г. наукограда Зеленоград (Московская область) как реакцию на успех американской Кремниевой долины. Однако она «не сработала» по ряду причин (подробнее см. [Ревзин, 2020, с. 37, 38]).

Второй этап начался, когда «в 1990 г. Правительство РСФСР приняло разработанную Министерством экономики программу «Технопарки России», рассчитанную на пять лет. Цель ее в том, чтобы резко повысить отдачу от тех разработок научно-технических вузов, которые накопились за советский период. Правительство выделило целевое финансирование вузам на создание технопарков, но настолько незначительное, что это не дало результаты» [Сумская, 2007, с. 22], за исключением единичных случаев (в Томске, Зеленограде, Москве). В 1993 г. на фоне стремительного распада наукоградов на вооружение была взята концепция их превращения в технополисы, не получившая практического воплощения из-за финансовых и управленческих проблем [Сумская, 2007, с. 22].

Третий этап, инициированный визитом В.В. Путина в Индию с посещением г. Бангалор в декабре 2004 г., возвел разрозненные попытки создания российских технопарков на уровень национальной политики. В 2007 г. программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» стимулировала развитие ряда территорий в результате создания благоприятных условий для размещения отечественных и международных производств. За период 2007–2011 гг. инфраструктура технопарков получила почти 20 млрд руб. финансовых вливаний из раз-

¹ Столица штата Карнатака, третий по численности населения и второй по уровню грамотности город страны, со множеством высших образовательных учреждений и научно-исследовательских институтов, который называют «индийской Кремниевой долиной».

личных источников. С 2010 по 2014 г. количество технопарков в РФросло, достигнув 16 единиц [Технопарки России, 2025]. В дальнейшем процесс ускорился. В основном отечественные технопарки строятся по смешанной модели, но есть и попытки заимствования японского опыта. Примерами служит создание технополисов Сколково в Московской области (с 2010 г.) и Иннополиса в Республике Татарстан (с 2015 г.)¹. Максимальное за прошедший период количество технопарков в стране насчитывалось в 2020 г. (183), к 2024 г. оно уменьшилось до 129 (в 46 регионах). Треть из них сосредоточена в Москве и Московской области – 31 (24%) и 14 (около 11%) соответственно [Технопарки России – 2024, 2024, с. 10–12].

Важной вехой стало принятие в 2015 г. ГОСТа², утвердившего официальное понимание технопарков: «управляемый управляющей компанией комплекс объектов коммунальной, транспортной и технологической инфраструктуры, обеспечивающий полный цикл услуг по размещению и развитию инновационных компаний, являющихся резидентами технопарка» [Ульянычев, 2018, с. 116]. Количественно доминируют в России промышленные технопарки, а высокотехнологичных технопарков менее 20% (всего 24 из 129 в 2023 г.) [Технопарки России – 2024, 2024, с. 10–12]. Однако в состав промышленных парков тоже могут входить учебные комплексы и подразделения, выполняющие прикладные НИОКР (помимо выставочных центров и представительств инновационных компаний).

Резиденты технопарков получают определенные преимущества за счет предоставляемых преференций (как местного, так и федерального уровня) и синергетического эффекта от концентрации компаний в одном месте. Например, в 2010 г. основную долю выручки всех технопарков обеспечили два казанских и один новосибирский [Технопарки России, 2025]. В 2014 г. суммарная выручка резидентов всех технопарков превысила 138 млрд руб., а в 2023 г. достигла почти 550 млрд руб. [Технопарки России – 2024, 2024, с. 14]. Вместе с тем по состоянию на 2018–2019 гг. отмечалось, что источниками почти всего дохода были «аренда и базовые услуги, а уровень предоставления профессиональных и специальных услуг крайне низок» [Технопарки России, 2025].

Государство оказывает разнообразную поддержку созданию и функционированию технопарков: налоговые льготы, целевые финансовые транши, бюджетные и внебюджетные инвестиции в строительство. Увеличение количества технопарков и предоставление им преференций выступает в России прежде всего инструментом поддержки малого и среднего бизнеса, т.е. предпринимательской деятельности. В свою очередь, сопутствующее создание новых рабочих мест на этих площадках или привлечение трудовых кадров (особенно высокой квалификации) активизирует

¹ Вопрос, насколько обоснованным было их создание, а также полученные результаты, остаются предметом острых дискуссий, особенно на фоне неоднозначной ситуации в существующих наукоградах – проектах советской эпохи с градообразующим научно-производственным комплексом (подробнее см.: [Ревзин, 2020]. После того, как в ходе реформ 1990-х годов особые условия их жизнедеятельности исчезли, возникла проблема адаптации наукоградов к новым обстоятельствам и эффективного использования их интеллектуального потенциала. И она до сих пор не решена.

² В который впоследствии вносились изменения. Последняя редакция относится к 2021 г.

использование инновационных практик. Тем самым создание и функционирование технопарков способствует повышению уровня инновационности и интеллектуальности городской среды.

Формирование креативных пространств началось с практик перевода промышленности на окраины Нью-Йорка во время Великой депрессии и сдачи внаем пустующих производственных зданий, которые оказались привлекательными для богемы: сначала в качестве лофтов, далее участков между ними, которые стали заполняться музеями, выставками и культурными центрами. Достигнув пика своей популярности в 1950-е годы, они сохраняют востребованность у звезд шоу-бизнеса, представителей художественного мира и сегодня, производя самый востребованный товар – «новые смыслы», ориентированные на неординарного потребителя [Стеклова, Рагужина, 2013].

В России с 1990-х годов вопрос использования заброшенных территорий ликвидированных предприятий стоит достаточно остро. В начале нового тысячелетия в стране приступили к воплощению данной концепции креативных пространств, прежде всего в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Самаре. «Сегодня есть понимание, что наследие промышленности – неотъемлемая часть национального достояния и средовой ресурс социальной эволюции. <...> Однако сопоставимые и не менее обнадеживающие резервы провинции блокируются торговлей» [Стеклова, Рагужина, 2013], т.е. доминированием торгового капитала в отечественном частном бизнесе.

В настоящее время во многих странах (включая Россию) получил распространение более широкий подход к развитию креативных пространств. Он подразумевает разнообразную поддержку творческих видов деятельности не только в бывших промышленных зонах. В связи с чем правильнее говорить о расширении сегмента городского социально-экономического комплекса, связанного с креативными индустриями: «в сентябре 2021 г., объявленного ООН Международным годом креативной экономики в целях устойчивого развития, в России была утверждена “Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года”. Несмотря на название документа, описанные в нем механизмы поддержки предлагается в равной степени относить и к мегаполисам, и к другим городам, и даже к негородским территориям» [Креативная специализация российских городов, 2022].

Высокую оценку значения креативных производств в постиндустриальном обществе и жизни современного города (включая вклад в экономику) следует признать заслуженной. Одновременно наблюдается дробление креативной деятельности (разделение на множество мелких сегментов) и возникновение кросс-индустрий, в которых сочетаются творческая и производственная составляющие. Однако размытость теоретической базы пока не дает возможности разграничения креативной, производственной и интеллектуальной городских сред.

Тем не менее особенно перспективной «креативная» модель представляется для развития городов в качестве туристических центров. Успешными примерами могут служить Венеция в Италии, Канны во Франции, Сочи и Мышкин в России. Очевидно, что в этом случае «городская политика должна объединять в единую культурную, промышленную и экологическую» повестку [Юхина, 2021, с. 240].

Вместе с тем инновации способствуют повышению уровня креативности и интеллектуальности любого города. Канадский исследователь Н. Брэдфорд (N. Bradford) систематизировал их виды, выделив инновации в управлении, гражданские инновации, экономические, социальные, художественные и культурные инновации» [Юхина, 2021, с. 240]. Мысль о способности креативного потенциала места стимулировать интеллектуальные способности человека сегодня стала общепризнанной.

Развитие университетских кампусов. Университетские кампусы имеют американо-западно-европейское происхождение, а их особое положение и роль связаны с локализацией части высших учебных заведений в крупных городах Европы и США.

Как отмечают специалисты, возвышению возникших на основе соборных школ (т.е. при соборах или епископских кафедрах) университетов в крупных городах Европы способствовал «переход к контролю за их деятельностью от церковной к светской власти» [Тургель, Бугров, Ойхер, 2023, с. 95–96]. При разрастании университетов в городах формировались «районы с особой структурой: факультетами, общежитиями, библиотеками, научными лабораториями, институтами и т.д.» [Шатило, 2021, с. 24], получившие впоследствии название «кампусы»¹. Считается, что «кампусом <...> впервые назвали территорию Принстонского университета» (США) в 1774 г. «Это сопровождалось полной экономической, правовой и территориальной независимостью университетов, которая и сформировала кампус как пространственно-планировочный феномен. <...> В качестве примера практически идеальной модели воплощения архитектурно-пространственной организации можно привести кампус Техасского университета в Остине² и кампус Венского экономического университета» [Кулешова, 2021, с. 74, 75].

Длительное время университетские кампусы создавались и функционировали по принципу «город в городе». При этом они получили широкое распространение в разных странах и регионах мира. Хотя в России ситуация развивалась по-другому из-за специфики национальной системы высшего образования и резких изменений в ее организации.

Во-первых, в Российской империи высшие учебные заведения создавались и размещались не в малых и средних (как часто в Европе и США), а исключительно в крупных городах³. Во-вторых,

¹ От лат. «campus», т.е. «поле», «лагерь».

² Столица штата Техас (США), около 1,0 млн жителей.

³ Поэтому отдельных университетских городов в стране не возникло. Подробнее см.: [Тургель, Бугров, Ойхер, 2023; Шатило, 2021].

автономии у них было существенно меньше по сравнению с европейскими и американскими вузами. В-третьих, вместо кампусов возникли общежития-пансионы. Например, *бурса*¹ – общежитие при духовном образовательном учреждении, впервые созданное при Киевско-братском училище (позже – Киевской духовной академии) в XVIII в. В XIX в., как пишут специалисты, студенческий жилищный вопрос решала аренда или проживание в дортуарах учебных корпусов; общежития как отдельные университетские постройки появились на рубеже XIX и XX веков [Попов, 2025].

После Великой Октябрьской революции система высшего образования в России была реформирована в сторону резкого повышения ее эгалитарности, чему способствовали новые правила приема, создание рабочих факультетов, отмена платы за обучение, стипендиальная поддержка, массовое строительство студенческих общежитий и появление типовых проектов, начиная с 1930-х годов [Горлов, 2015]. С одной стороны, «все здание общежития представляло собой коммунальную квартиру. С другой стороны, студент в общежитии волей-неволей превращался в самостоятельного человека» [Горлов, 2015, с. 182].

Студенческие общежития в СССР решали, прежде всего, жилищный вопрос иногородних учащихся вуза. Одновременно обеспечивалось культурно-бытовое обслуживание студентов. Ярким примером комплексного подхода к организации процесса образования служит высотное здание МГУ им. Ломоносова на Воробьевых горах в Москве (1953), из которого студенты могли вообще не выходить. Помимо учебных и жилых помещений (общежитий для учащихся и преподавателей), здесь предусмотрена возможность оказания широкого набора культурно-бытовых услуг (от прачечной и столовых до кинотеатра, бассейна, почты, музея и т.д.).

Однако многофункциональные комплексы были единичны, поскольку строительство отдельных общежитий давало больше возможностей для маневра [Горлов, 2015, с. 180]. Хотя создавались и студенческие городки, «представляющие собой концентрацию общежитий в целостные квартальные застройки», что имело «немало положительных сторон: улучшение административно-хозяйственного обслуживания; компактность планировки жилых корпусов; возможность очередности строительства; организация культурно-бытового обслуживания. Проблема состояла в том, что ... выделить значительные [земельные] участки в условиях сложившейся городской застройки не всегда было возможным» [Горлов, 2015, с. 180]. Тем не менее такие студгородки создавались (например, в Москве – для студентов современного РУДН им. П. Лумумбы или в Долгопрудном Московской области – для студентов МФТИ и т.д.).

В конце XX – начале XXI в. в западных странах, в результате переосмысления миссии университета, начался переход от «городского университета» («urban university») к «университету в

¹ Возникли во Франции (лат. *bursa* – «карман, кошелек») и представляли собой своеобразные пансионы, в которых студентам предоставлялась общая квартира с полным содержанием (оплачиваемая большей частью на средства меценатов, а впоследствии и за плату). Причем жившие тут студенты находились под строгим надзором: не смели выходить без разрешения, должны были одеваться согласно предписаниям и т.п.

городском обществе» («university in urban society») [Коровникова, 2023, с. 70]. Соответственно, изменилась роль университетских кампусов и повысилось их значение. «Традиционный закрытый университетский двор, служивший местом общения и проведения досуга, постепенно теряет свою роль. Вместо него возникают открытые парки и сады, доступные для всего университетского сообщества. Со временем такое общественное и коммуникационное пространство распространяется на всю территорию кампуса» [Попов, 2025]. Сегодня кампусы моделируют исходя не только из жилищных, образовательных и научных функций, но и «третьей миссии университета», а также бизнес-составляющей [Университетские кампусы и город..., 2021, с. 28].

В результате распространения идей третьей (социальной) миссии университетов отношение к бывшим студгородкам и институтским общежитиям в России изменилось (и их тоже стали называть кампусами). Стремление повысить конкурентоспособность отечественного образования на мировом рынке и результативность использования инновационного потенциала вузов способствовало более высокой оценке их возможностей: «В 2021 г. В. Путин поручил правительству создать в различных регионах страны сеть современных кампусов мирового уровня в рамках нацпроекта¹. До 2036 г. <...> планируется возвести сеть из 40 таких городков, которые станут не только образовательными, но и технологическими и культурными центрами регионов» [Попов, 2025]. «Проект создания студенческих кампусов сегодня является одним из важнейших для научно-технологического развития России, для привлечения талантливой молодежи в регионы, а также для обеспечения технологического суверенитета страны. <...> Кампусы должны стать открытыми не только для учащихся и преподавателей вузов, но и для жителей населенных пунктов, в которых они строятся» [Шутов, 2024]. К числу таких кампусов относится, например, «Кантиана» на базе Балтийского ФУ в Калининграде, кампусы на базе Новосибирского ГУ, Уральского ФУ (Екатеринбург) и Орловского ГУ, кампусы мирового уровня в Челябинске и Самаре, межвузовский студенческий кампус Евразийского научно-образовательного центра в Уфе, новый кампус МГТУ им. Н.Э. Баумана и т.д.

Современную инициативу создания в России сети кампусов мирового уровня нельзя считать совершенно новой или оригинальной. Как уже отмечалось, студгородки в стране не редкость. Позитивным моментом является декларация «интеграции разных типов кампусов в городское пространство, а также требования к городам, которые планируют позиционировать не только на российском, но и на мировом рынке образовательных услуг» [Университетские кампусы и город..., 2021, с. 44]. Хотя уже в этой идее заложено противоречие: на что ориентироваться при создании кампусов: на городскую (т.е. локальную) проблематику или глобальный рынок образовательных услуг?

¹ «Молодежь и дети».

Только положительно можно оценить и стремление улучшить культурно-бытовые условия проживания студентов. Безусловно, они в этом нуждаются, но «цена вопроса» – 40 новых кампусов и 800 отремонтированных общежитий на всю страну до 2036 г., согласно нацпроекту, – не маловато ли? По состоянию на 2024 г. в России насчитывалось 3022 общежития, причем «две трети этого фонда построены больше 50 лет назад и к сегодняшнему дню заметно обветшали, а средств на его ремонт у вузов нет» [Гузаирова, 2024]. Если за десять лет планируется отремонтировать только около 30% имеющегося фонда общежитий, то что будет с остальным?

Возникают и другие вопросы. Как следует из открытой информации, создаются «кампусы мирового уровня» по уникальным проектам. Насколько это оправданно в современных условиях – и не лучше ли разработать линейку типовых проектов? Наконец, не приведет ли их создание к повышению уровня концентрации и к сокращению образовательного пространства в стране, а также усилению региональных диспропорций?

Даже в теоретическом плане рассматриваемый национальный проект выглядит достаточно спорным. А ведь многое зависит и от его реализации. В России есть и негативный опыт создания студенческих городков. Примером служит комплекс общежитий СПбГУ в Петергофе (Ленинградская область), построенный в 1970-х годах и в настоящее время являющийся депрессивной территорией. Теперь его собираются бросить, чтобы построить новый университетский кампус в Пушкине [Казаков, 2019]. Более того, появились попытки «трансформации» направления проекта, в частности, предложение о создании «научных кампусов, базирующихся на ведущих научных организациях и их технологических партнерах»¹.

Учитывая специфику университетских кампусов как социально-экономических образований, представляется, что ожидания от национального проекта «Создание сети кампусов мирового уровня» могут быть сильно завышенными в плане стимулирования научно-образовательной и инновационной деятельности. Существуют опасения, что здравая идея по улучшению условий получения высшего образования в России превратится в очередную кратковременную кампанию. Вместе с тем расширение участия студентов и профессорско-преподавательского состава вузов в решении проблем городов, в которых они расположены, безусловно, будет способствовать совершенствованию городской среды и повышению уровня ее интеллектуальности.

Распространение технологий «умного города». Это название набора цифровых технологий служит примером того, как метафора (перевод английского «smart city») стала распространенным понятием, определение которого с начала 2000-х годов не раз уточнялось и изменялось. «Концепт умного города изначально описывал способы использования ИТ-инфраструктуры для создания виртуального пространства реального города. <...> На следующем этапе умный город преимуще-

¹ Такое предложение прозвучало на стратегической сессии в Черноголовке (Московская область) в июле 2025 г. С одной стороны, оно свидетельствует об очередной попытке «вписать» существующие наукограды в государственную научно-техническую политику. С другой стороны, что места им пока в ней не находится.

ственно ассоциировался с усилением роли цифровых технологий в повышении эффективности городского хозяйства. Наконец, сегодня все чаще принято говорить об умном устойчивом городе (smart sustainable city, SSC) <...>, в котором информационно-коммуникационные технологии и другие инструменты, с одной стороны, используются для повышения качества жизни, эффективности функционирования города и предоставления городских услуг, а также для укрепления конкурентоспособности, а с другой – удовлетворяют потребности настоящего и будущего поколений, не оказывая негативного влияния на экономический, социальный и экологический компоненты города» [Приоритетные направления внедрения..., 2018, с. 7].

По мере того, как с 2010-х годов¹ рос и приобретал глобальную инвестиционную привлекательность соответствующий специализированный рынок «передовых технологий для повышения эффективности функционирования городской экосистемы» началась «активная институционализация концепции умных городов (появление профильных стандартов, возникновение национальных и международных ассоциаций и рейтингов, все большее распространение термина в общественно-политическом дискурсе и т.д.)» [Приоритетные направления внедрения..., 2018, с. 8, 23].

Потребность в оценке рынка соответствующих цифровых технологий в глобальном масштабе привела к появлению разнообразных рейтингов «умных городов» мира. Один из них составляет с 2019 г. швейцарский Международный институт управленческого развития (IMD Business School) совместно с Сингапурским университетом технологий и дизайна. Так, в обнародованный в сентябре 2020 г. рейтинг входило 109 городов. К «десятке» лидеров были отнесены Сингапур, Хельсинки, Цюрих, Окленд, Осло, Копенгаген, Женева, Тайбэй, Амстердам и Нью-Йорк. Москва заняла 56-ю позицию, Санкт-Петербург – 73-ю [Умный город: развитие в России, 2024]. В 2025 г. в данный рейтинг входило уже 146 городов (российские города не учитывались). Лидерами стали Цюрих, Осло, Женева, Дубай, Абу-Даби, Лондон, Копенгаген, Канберра, Сингапур и Лозанна [IMD Smart City..., 2025].

Рейтинги позволяют не только оценить ситуацию с внедрением цифровых технологий в том или ином городе, но и выявить тенденции, на основе которых можно прогнозировать спрос на различные технические решения. Так, согласно выводам аналогичного южнокорейского исследования 2024 г., «европейские и азиатские города продолжают лидировать в рейтингах. Они выделяются тем, что отдают приоритет технологиям, которые отвечают местным потребностям, будь то городская мобильность, цифровая доступность или экологичность» [Smart City..., 2024]. Североамериканские города, напротив, опустились в рейтингах «из-за проблем, связанных с инфраструктурой и общественной безопасностью» [Smart City..., 2024]. Подчеркивается, что «города, показы-

¹ Признанию в мировом масштабе и ускорению процессу придал вышедший в 2016 г. доклад ООН «Цифровые дивиденды».

вающие хорошие результаты, поддерживают инициативы, направленные на повышение общего качества жизни населения. Они сосредоточены на увеличении площади зеленых насаждений, расширении возможностей для проведения культурных мероприятий и осуществления социальных связей. В большинстве городов эти усилия сочетаются с инновационными стратегиями по привлечению и удержанию талантов, избирательному стимулированию инвестиций и решению проблем, связанных с географическим неравенством и инклюзивностью» [Smart City..., 2024]. В последнее время повышенное внимание привлекает жилищный вопрос, т.е. доступность и качество жилья в городах [IMD Smart City Index, 2025].

Россия, следуя глобальному тренду, активно поддерживает реализацию концепции умного города государственными мерами. С 2018 г. в стране осуществлялся проект «Умный город», входивший в состав национального проекта «Жилье и городская среда» национальной программы «Цифровая экономика» (2018–2024). Подводя итоги его выполнения, Минстрой России отмечал рост цифровой зрелости российских городов [Минстрой подвел итоги программы..., 2025]. К достижениям профильное министерство отнесло:

- разработку стандартов и методики оценки цифровой зрелости городов;
- создание Центра компетенций «Умный город» для методической поддержки муниципалитетов;
- создание банка успешных цифровых решений для ЖКХ и т.д.

В 2019–2022 г. Минстроем России совместно с МГУ им. Ломоносова была разработана и утверждена методика расчета Индекса цифровизации городского хозяйства или «IQ городов»¹ – «интегральная оценка хода эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации» [Приказ Минстроя РФ от 28.09.2023 № 6967/пр..., 2023]. В 2023 г. исследованием были охвачены 283 города страны. Лидерами цифровой трансформации городского хозяйства среди крупнейших городов стали Москва, Санкт-Петербург и Казань; среди крупных – Тюмень, Владивосток и Севастополь; больших – Южно-Сахалинск, Нижнекамск и Реутов; административных центров – Чернушинский городской округ (Пермский край), Кольцово и Дубна [Результаты расчета..., 2024]. «За период действия проекта IQ городов вырос в 1,5 раза, достигнув в 2023 г. среднего балла 61 из 120 (что на 55% больше, чем в базовом 2018 г.) [Минстрой подвел итоги программы..., 2025].

¹ Принятая методика расчета Индекса «IQ городов» предполагает деление городов на пять групп по численности населения по аналогии расчета Индекса качества городской среды: крупнейшие города (от 1 млн человек), крупные города (от 250 тыс. человек до 1 млн), большие города (100–250 тыс. человек), средние (50–100 тыс. человек) и малые (менее 50 тыс. человек). В 2023 г. IQ городов рассчитывался по 15 направлениям (государственное и муниципальное управление, развитие городской среды и ЖКХ, энергетика, строительство, безопасность, геоинформационные технологии, здравоохранение, молодежная политика, культура, наука и высшая школа, образование, транспорт, спорт, предпринимательство, экология) и содержал 37 показателей [Приказ Минстроя РФ от 28.09.2023 № 696/пр ..., 2023].

С 2025 г. вопросы внедрения технологий «умного города» входят в национальный проект «Инфраструктура для жизни» и рассредоточены по нескольким направлениям, в том числе «Формирование комфортной городской среды», «Модернизация коммунальной инфраструктуры», «Развитие инфраструктуры в населенных пунктах», «Новый ритм строительства» и т.д.

Ускоренное внедрение цифровых технологий в разные отрасли городского хозяйства вынуждает жителей приобретать и использовать новые компетенции. В результате происходит как увеличение человеческого капитала, так и повышение уровня интеллектуальности городской среды. В связи с тем, что данные меры затрагивают не отдельные компоненты городской среды или группы населения, а всех городских жителей, они представляются наиболее широкими по охвату и универсальными по сравнению с другими действиями, рассмотренными выше.

Заключение

Справедливо отмеченные Г.М. Лаппо сложность и разнообразие городов «по выполняемым функциям, составу населения, особенностям планировки» [Лаппо, 2019, с. 4] по мере их интеллектуализации только возрастают. При этом любой город – это искусственные образования и результат человеческой деятельности. Однако из-за разнонаправленного воздействия различных акторов его развитие становится (или представляется) стихийным и хаотичным.

Сложность процессов, разворачивающихся в городах, требует при управлении ими осмысленного и осторожного следования каким-либо теоретическим концепциям. Ведь на состояние городской среды оказывают влияние не только прямые управленческие действия. Меры, предпринимаемые для решения вопросов, непосредственно не связанных с городской территорией, так или иначе имеют побочные эффекты. Причем из-за ограниченных финансовых ресурсов большинства городских администраций они нередко оказываются много сильнее первых.

Пример интеллектуальной городской среды наглядно это демонстрирует. На ее развитии отражаются существующие взгляды на человеческий капитал и систему образования, инновационный процесс и место науки в обществе, роль креативных индустрий и историческое наследие территорий. Выбор между концентрацией или деконцентрацией инновационной деятельности, элитарности высшего образования (воспроизводство элит) или его эгалитарности и массовости (подъем общего уровня образования населения) и другие подобные решения определяют динамику отдельных компонентов городской среды и, тем самым, уровень ее интеллектуальности.

Значительно затрудняет адекватную реакцию на современные проблемы городов смешение разных теоретических концепций и подходов, а главное, быстрая смена в России приоритетов государственной политики (сегодня модно одно, завтра – другое), тогда как развитие городов и городской среды – это инерционный процесс. Результаты действий, предпринимаемых в настоящем по реконструкции или трансформации городской среды, в полной мере проявятся в будущем и бу-

дуют значимы в течение длительного периода времени. «Метания» от реализации одного проекта к другому приводят к тому, что получить от них отдачу, как и реально оценить позитивные и негативные стороны, не успевают. Наконец, нужно не просто создавать, но и обеспечивать стабильное функционирование компонентов городской среды (в том числе интеллектуальной) и связей между ними. Это не должно быть краткосрочной кампанией, поэтому требует определенного постоянства стратегического курса государственной политики и согласованности разных ее направлений.

Пока при осуществлении различных инициатив национального масштаба часто не учитывают (или просто не понимают) того, как они скажутся на разных городах и городской среде. Обзор направлений, влияющих на интеллектуальную городскую среду, свидетельствует, что акцент делается на отдельные ее компоненты (объекты сферы образования, инновационного производства, культуры), а не на их взаимосвязи. Но то, что соответствует отраслевому принципу управления, не подходит проектному. Кроме того, явно недооценивается коммуникационная составляющая интеллектуальной городской среды, чье значение в эпоху цифровых технологий резко возросло.

Не следует также забывать о необходимости свободы творчества для развития интеллектуальной среды городов. В этом отношении весьма показателен вывод, сделанный по поводу успешности в советский период новосибирского наукограда (Академгородка): «советские ученые для того, чтобы их оградили от борцов с продажными девками империализма, готовы были сами бежать в тайгу, в бараки, чтобы заняться там генетикой и кибернетикой» [Ревзин, 2020, с. 36, 37].

Решение современных вопросов развития интеллектуальной городской среды предполагает привлечение широкого круга специалистов, продолжение изучения ситуаций и практик в разных городах (кейсов), а также их обсуждение в ходе дискуссий представителей разных научно-практических направлений.

Список литературы

1. Абдулбарова Ю. Silicon Valley: история создания и успеха Кремниевой долины // linDEAL. – 2022. – URL: <https://lindeal.com/business/silicon-valley-istoriya-sozdaniya-i-uspekha> (дата обращения 18.06.2025).
2. Агаширинова В.Ю. Урбанизация как сложное комплексное явление // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 8 (42). – С. 178–191.
3. Андросова А.А. Исследование современных тенденций развития технопарков и технополисов в мире // Вектор экономики. – 2019. – № 3. – URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/3/innovationmanagement/Androsova.pdf> (дата обращения 18.06.2025).
4. Беляева Г.В., Серебрякова Н.А., Адраховская Л.Л. Генезис теоретических концепций исследования инновационного потенциала // Вестник ВГУИТ. – 2021. – Т. 83, № 3. – С. 276–280.
5. Горлов В.Н. Советские студенческие общежития – акцент на коллективность // Вестник МГОУ. Серия История и политические науки. – 2015. – № 5. – С. 176–182.
6. Гузаирова А. «Плакала каждый день». Студенты больше не хотят жить в общежитиях и массово снимают квартиры. Какие трудности их ожидают? // Lenta.ru. Экономика. – 2024. – 19.08. – URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/19/arenda-students> (дата обращения 25.07.2025).
7. Казаков И. Общежития в Петродворце снести, бузотерам дать квартиры // Фонтанка. ru. Город. Общество. – 2019. – 11.10. – URL: <https://www.fontanka.ru/2019/10/11/106/?ysclid=mdvj68ydr744114013> (дата обращения 25.07.2025).
8. Коломак Е.А. Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 59–74.
9. Коровникова Н.А. Образовательный потенциал современного города // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 3. – С. 60–78.

10. Креативная специализация российских городов. Научный дайджест. Спецвыпуск / НИУ ВШЭ. Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. – Москва, 2022. – 42 с.
11. Кулешова Г.И. Университет и город. Очерк эволюции связи университетской институции с городской средой. Ч. 1. Мировой опыт // Academia. Архитектура и строительство. – 2021. – № 4. – С. 70–79.
12. Куценко Е. Ориентир на таланты: как инновационные города меняют стратегию развития // РБК. Тренды. – 2022. – 07.10. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/633e9a1c9a79475df09f423c> (дата обращения 10.06.2025).
13. Лаппо Г.М. География городов. – Москва: Гуманит. изд. центр «Владос», 1997. – 480 с.
14. Лаппо Г.М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Серия географическая. – 2019. – № 4. – С. 3–23.
15. Леонова Т. Мировой опыт создания инноградов: истории успеха и выводы для России // Вестник ИЭ РАН. – 2011. – № 3. – С. 37–49.
16. Минаева И.В. Город в территориальном пространстве: обзор зарубежных исследований // Вопросы территориального развития. – 2010. – Вып. 3 (33). – С. 1–12.
17. Минстрой подвел итоги программы «Умный город»: какие результаты достигнуты? // Сметана. – 2025. – 24.02. – URL: <https://smeta-na.ru/novosti/minstroj-podvel-itogi-programmy-umnyj-gorod-kakie-rezultaty-dostignuty/> (дата обращения 21.06.2025).
18. Нотман О.В. Городская среда как междисциплинарное понятие // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 12. – С. 104–107.
19. Попов А. Прообраз современного университета – это монастырское подворье // Коммерсант. Наука. – 2025. – 30.04. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7690795> (дата обращения 20.06.2025).
20. Приказ Минстроя РФ от 28.09.2023 № 6967/пр «Об организации исполнения ведомственного проекта Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по цифровизации городского хозяйства «Умный город» и признании утратившими силу некоторых актов Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» // Минстрой РФ. – 2023. – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/6b8/m0gouhaen1lgnatm6m4lruvwvejv4zy/prikaz-696pr.pdf> (дата обращения 21.06.2025).
21. Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах. Экспертно-аналитический доклад / Центр стратегических разработок. – Москва, 2018. – 174 с.
22. Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. – 2020. – № 4. – С. 23–42.
23. Результаты расчета Индекса IQ городов за 2023 г. // Минстрой РФ. – 2024. – 02.09. – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/373609/> (дата обращения 30.05.2025).
24. Семячков К.А. Инновационный потенциал умного города // Журнал экономической теории. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 474–484.
25. Соколова С.А., Варакина С.А. Формирование и реализация инновационного потенциала крупного города в условиях кризиса // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Т. 8, № 2. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/54EVN216.pdf> (дата обращения 02.07.2025).
26. Стеклова И.А., Рагужина О.И. Креативные пространства как надежда провинции // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-prostranstva-kak-nadezhda-provintsii> (дата обращения 07.07.2025).
27. Сумская Т.В. Функционирование технополисов и технопарков за рубежом и уроки для России // Вестник НГУ. Серия Социально-экономические науки. – 2007. – Т. 7, вып. 1. – С. 14–24.
28. Технопарки России // TAdviser. – 2025. – 10.07. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Технопарки_России (дата обращения 16.07.2025).
29. Технопарки России – 2024: ежегодный бизнес-навигатор / Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. – Москва: АКИТ РФ, 2024. – 100 с.
30. Тургель И.Д. [рец.] // Муниципалитет: экономика и управление. – 2014. – № 2 (7). – С. 74–75. – Рецензия на книгу В.Я. Любовного «Города России: альтернативы развития и управления». – Москва: ЭКОН-ИНФОРМ, 2013. – 614 с.
31. Тургель И.Д., Бугров К.Д., Ойхер А.Д. Университетские города России: ожидания vs реальность // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 5. – С. 89–111.
32. Ульянычев М.А. Понятие и социально-экономическая сущность технопарков // Вестник науки и образования. – 2018. – № 15 (51), ч. 1. – С. 115–118.
33. Умный город: развитие в России // TAdviser. – 2024. – 13.12. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Умный_город:_развитие_в_России (дата обращения 30.05.2025).
34. Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности / ВЭБ РФ, НО Фонд «Центр стратегических разработок». – Москва, 2021. – 67 с.
35. Формирование комфортной городской среды: учебно-методическое пособие / О.И. Адамов, М.И. Афонина, А.Е. Коробейникова, С.В. Привезенцева; Министерство науки и высшего образования РФ, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, кафедра градостроительства. – Москва: Издательство МИСИ – МГСУ, 2022. – 32 с.
36. Шатило Д.П. Университетские города в Европе: понятие, специфика развития, планировочные структуры // Контур глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 23–39.
37. Шутов А. Точка притяжения для студентов. Как в России создают образовательные кампусы мирового уровня // Lenta.ru. Экономика. – 2024. – 02.07. – URL: <https://lenta.ru/articles/2024/07/02/tochka/> (дата обращения 20.06.2025).

38. Юхина А.А. Концепции и подходы к пониманию «креативного города» // Научные исследования и разработки. – 2021. – № 10. – С. 235–241.
39. IMD Smart City Index 2025. The housing affordability challenge: A growing concern // IMD. – 2025. – URL: https://imd.widen.net/spsdrsyvbk7/imd_smart_city_2025_report (дата обращения 21.06.2025).
40. Smart City Index 2024: How cities are shaping the future of urban life // TPBO. – 2024. – 18.09. – URL: <https://placebrandobserver.com/smart-city-index-2024-summary/> (дата обращения 21.06.2025).

INTELLECTUAL URBAN ENVIRONMENT: DIRECTIONS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Polozhikhina M.A.

PhD (Geogr. Sci.), Senior Researcher at the Economics Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); polozhihina2@mail.ru

Abstract. In the history of human civilization, cities have played and continue to play the role of centers of innovation and drivers of socio-economic progress. At the same time, the trajectory of the development of the city itself can be very different, from its heyday to complete oblivion. The realization of the potential of cities and the possibilities of conducting innovative activities in them are largely determined by the state of the urban environment, primarily intellectual. In turn, it is strongly influenced by the traffic jam effects of efforts that are being made to solve problems that are not directly related to its development. The review examines the impact on the intellectual environment of cities of such modern initiatives as the creation of technoparks and university campuses, the formation of creative spaces and the introduction of smart city technologies. According to the author, their effectiveness in terms of using the innovative potential of cities could be higher if government policy focused not on individual components, but on interconnections, and considered the communication component of the urban intellectual environment.

Keywords: urban environment; technopark; creative space; university campus; smart city technologies.

For citation: Polozhikhina M.A. Intellectual urban environment: directions and prospects of development // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – № 3. – P. 15–33.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

Doi: 10.31249/snsn/2025.03.01